

Научная статья
УДК 811.161.1'374(09)
DOI 10.18101/2686-7095-2021-3-29-37

ИСТОРИКО-ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП РЕГИОНАЛЬНОГО СЛОВАРЯ XVII в.

© **Майоров Александр Петрович**

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания,
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
map1955@mail.ru

Аннотация. В статье разрабатываются критерии, которые должны лечь в основу историко-дифференциального принципа составления регионального словаря XVII в. Для словаря такого типа методологически неприемлемым считается принятый лексикографами принцип отбора в словник общерусских слов, которые сохраняются в современном русском языке со стилистически маркированными пометами. В словник следует включать, во-первых, слова, которые являются общеупотребительными только в русском языке XVII в. и уже в последующих столетиях они в общем употреблении неизвестны или находятся в процессе выхода из него, и, во-вторых, собственно региональную лексику того периода. Дается характеристика разрядов включаемой в региональный словарь общеупотребительной лексики — это слова, обнаруживающие факты своеобразной лексико-грамматической сочетаемости; варианты слов, отражающие особенности системы региолекта на разных языковых уровнях; слова, у которых в иллюстративном материале Словаря русского языка XI–XVII вв. выявляется определенный ареал их распространения и др.

Ключевые слова: историко-дифференциальный принцип, региональный исторический словарь, общерусская лексика, забайкальский региолект.

Для цитирования

Майоров А. П. Историко-дифференциальный принцип регионального словаря XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 3. С. 29–37.

Региональные исторические словари русского языка по составу словника могут быть словарями полного или дифференциального типа. К словарям первого типа, например, относятся такие словари, как Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века (сост. Е. Н. Полякова) [Перм. словарь, 1993–2001], Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков [СОРЯ 2004]¹, Псковский областной словарь с историческими данными (сост. А. С. Герд, О. С. Мжельская, Л. Я. Костючук и др.) [Пск. словарь, 1967]. Словарями дифференциального типа можно назвать Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой

---

¹ Данный словарь условно можно включить в группу региональных исторических словарей, поскольку в его словник входит лексика живого русского языка, бытовавшая на территории различных регионов Московского государства (Пермского края, Сибири, Смоленщины), и в связи с этим словарь предоставляет ценную лингвогеографическую информацию, позволяющую идентифицировать региональный / общеупотребительный статус исторического слова.

половины XVIII в. (сост. Л. Г. Панин) [Панин 1991], Региональный исторический словарь второй половины XVII–XVIII вв. (сост. Е. Н. Борисова) [Борисова, 2000], Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века (сост. В. В. Палагина, Л. А. Захарова, Г. Н. Старикова) [Том. словарь, 2002] и др.

Полный региональный исторический словарь предполагает включение в словарь общеупотребительной лексики, которая в семнадцатом столетии формируется в качестве основы национального литературного языка. Сложность отождествления такой лексики с учетом церковнославяно-русской диглоссии в языковой ситуации Московской Руси подразумевает больше лексикографическое освещение русского языка этого периода в виде словаря-тезауруса, что в какой-то мере реализуется при составлении фундаментального Словаря русского языка XI–XVII вв.

Как правило, основной круг источников регионального исторического словаря — это корпус памятников деловой письменности. Уже это ограничение круга источников ставит под сомнение возможность отражения целостной системы лексики, подчеркивает относительность полноты словарного состава. Можно согласиться с тем, что «любой словарь, ставящий перед собой задачу описать лексическую систему, в действительности описывает тексты избранного круга источников» [Рей, Делесаль, 281. Цит. по: Скляревская, 1995, с. 20]. Корпус письменных источников определенных жанров, определенной коммуникативной направленности обуславливает ограниченность употребления слов некоторых тематических групп. Так, сравнение данных Словаря пермских памятников XVI — начала XVIII века и Словаря обиходного русского языка Московской Руси только по букве «Б» показывает, что в пермском региолекте не были употребительны общерусские слова, отмеченные в [СОРЯ 2004-], такие как *бабий*, *багорь*, *багрецовый*, *багровый*, *балахон*, *безделье*, *белье*, *беремя*, *беседа*, *беспокойно*, *беспомощный*, *бесчинство*, *беспощадный*, *бешенный*, *боец*, *больной*, *брачный*, *бредить*, *бремя*, *бунтовать* и др. Ущербность «полноты» лексической системы особенно очевидна, когда видим, как в пермском словаре представлены краткое причастие *брить* при отсутствии глагола *брить*, прилагательное *блинный* при отсутствии существительного *блинь*, уменьшительно-ласкательная форма *братинка* при отсутствии производящего слова *братина*, слова *ближний*, *борода*, поданные как однозначные, в то время как в [СОРЯ 2004-] у каждого из этих слов фиксируется не меньше 5 значений (не считая оттенков того или иного значения). Таким образом, для полного регионального исторического словаря актуален вопрос отбора источников, лексическая информативность которых в меньшей степени зависит от сферы функционирования текстов и их коммуникативной направленности.

Спорным, на мой взгляд, является вопрос о включении в региональный исторический словарь тех общерусских слов, которые представлены в фундаментальных лексикографических трудах [Сл. РЯ XI–XVII, Сл. РЯ XVIII], а в региональном словаре эти слова не добавляют какой-то новой лингвистической информации. Например, в том же пермском словаре находим слова *береза* в значении ‘дерево береза’, *бревно* в значении ‘очищенный от веток ствол или часть ствола большого дерева’, *бровь* в значении ‘дугообразная полоска над глазной впадиной’. Единственный смысл включения подобных слов в региональные словари — констатация их общеупотребительности в русском языке определенной эпохи, которая, впрочем, никак не может быть оспорена. Трудно было бы сомневаться в том, что носители пермского региолекта русского языка не употребляли в XVII в. слова *береза*, *бревно*, *бровь*, которые по своему происхождению восходят к праславянскому периоду и продолжают употребляться в современном русском языке с тем же значением.

В практике составления словарей дифференциального типа некоторые критерии отбора лексики также требуют обсуждения. Прежде всего следует задаться вопросом, в чем же сущность дифференциального (а точнее — историко-дифференциального) принципа отбора лексики, которым руководствовались составители словарей. Конечным пунктом в историческом развитии словарного состава русского языка лексикографы признают современный литературный язык, и его лексические нормы служат ориентиром для квалификации лексических средств русского языка XVII в. как народно-разговорных. Так, в региональный исторический словарь включаются слова, имеющие в современных словарях русского языка пометы «областное», «разговорное», «народно-поэтическое», различного рода формальные и семантические варианты современных номинативных единиц, лексические единицы с разговорными для названной эпохи словообразовательными формантами (суффикс *-к-* у отглагольных существительных, суффиксы *-ыва-/ива-*, *-ну-* у глаголов) и слова, отсутствующие в словарях современного литературного языка [Том. словарь, 2002, с. 6]. Помимо этого в подобный словарь входит «лексика, употребляемая в современном русском литературном языке с другими значениями и в ином контексте», а также «лексика, характерная для просторечия» [Забайк. словарь, 2020, с. 8].

Данные критерии дифференциального принципа, содержащего установку на сравнительный анализ со стилистически маркированной лексикой современного литературного языка, не помогают релевантно опознавать региональную специфику лексики исторического периода. Например, современные лексические единицы *выдрать* ‘вырвать с силой’, *говаривать*, *невмочь*, *оговорить* ‘обвинить ложно’, *посулить* ‘пообещать’, представленные в МАС с пометой *разг.*, *гораздо* ‘очень’, *деньжонки* — с пометой *прост.*, *заказать* ‘запретить’ — с пометой *устар. и прост.*, *нонешний*, *неможно*, *опричь* — с пометой *устар. и обл.*, функционировали, по свидетельству регионального исторического словаря, в томском региолекте XVII в., и тот или иной вид ограничения их употребления сегодня указывает лишь на разные пути исторической динамики данных общерусских слов на протяжении трех столетий, в течение которых общерусский характер их функционирования существенно не менялся¹.

При разработке понятия «дифференциальный принцип» для регионального исторического словаря определение его сущности наталкивается на одну методологическую проблему. Применяя этот принцип в историческом словаре, ученые-лексикографы во многом исходят из представлений о дифференциальном принципе в современных областных словарях. В последнем случае идентификация лексем территориально ограниченных форм общенародного языка осуществляется не только с опорой на анализ лексикографических источников, но и на языковое сознание лексикографов как носителей русского литературного языка и как специалистов, хорошо владеющих его нормами, способных опознавать диалектизмы благодаря своей языковой компетенции. Все это неприложимо в диахронном исследовании: всеобъемлющее знание лексической системы русского языка определенной исторической эпохи у исследователя невозможно, представление о ней выстраивается за счет сведе-

---

¹ За пределами данного исследования остаются многочисленные случаи нарушения заявленного дифференциального принципа в [Забайк. словарь, 2020]: это лексикографическая презентация слов типа *варить* ‘готовить горячую пищу кипячением’, *верблюды* ‘крупное вьючное животное, имеющее на спине горб’, *день* ‘светлое время суток’, *дети* ‘мальчики и девочки раннего возраста’, *дешевый* ‘низкой цены’, *евангелие* и других слов, которые никоим образом не отвечают сформулированным в словаре критериям историко-дифференциального принципа.

ний письменных памятников, не воспроизводящих непосредственно живой разговорный язык исторической эпохи, и частично с помощью фактов современных диалектных образований. Данные сведения «корректируют» языковую рефлексию историков языка, не допуская экстраполяции языковой компетенции носителя современного русского языка на языковую компетенцию исторической языковой личности, на реконструкцию языка определенной исторической эпохи. Исторически изменчивые формы общенародного языка (скажем, литературный язык донациональной эпохи и те идиомы, которые противостоят ему в этот период) не дают возможности уверенно установить, какие языковые единицы носят общеупотребительный характер, а какие — нет.

Думается, историко-дифференциальный принцип отбора лексики в региональный исторический словарь призван не столько способствовать идентификации регионализмов в русском языке исследуемой эпохи, сколько очертить круг словарного состава регионального варианта русского языка, в историческом развитии ограниченного определенными хронологическими рамками. Поэтому суть его должна состоять в том, чтобы в словник включались, во-первых, собственно региональная лексика, методика выявления которых будет охарактеризована ниже, и, во-вторых, слова, которые являются общеупотребительными только в русском языке XVII в. и уже в последующих столетиях они в общем употреблении неизвестны или выходят из него.

Относительно последнего критерия необходимо дать развернутые комментарии. Главный прием выявления общерусских и региональных слов определенного исторического периода, применяемый во многих региональных исторических словарях, — это сопоставление материала региональных письменных источников с данными Словаря русского языка XI–XVII вв. и современных толковых словарей, отмечающих место этих слов на периферии словарного состава литературного языка. Как уже было подчеркнуто выше, такой подход к выделению исторических регионализмов не релевантен. Необходимо исключить сопоставление с данными современных толковых словарей и ориентироваться прежде всего на сопоставительный анализ со сведениями фундаментального Словаря русского языка XI–XVII вв., что даст представление об относительно полной системе словарного состава русского языка исследуемой эпохи¹.

Следующий шаг — сравнение с данными Словаря русского языка XVIII в. — эпохи становления норм национального литературного языка. Отсутствие в последнем общеупотребительных для XVII в. слов или их наличие с какими-либо стилистическими пометами (*Слав.*, *Простореч.*, *Простонар.*, *Обл.*, *Сиб.* и др.), пометами, указывающими на выход из общего употребления (◀, ■), может послужить весомым аргументом в пользу подтверждения исторической динамики отмеченных в региолекте слов, а также идентификации их региональной специфики. Дополнительным доказательством этой характеристики выступают данные других региональных исторических словарей русского языка изучаемого периода и современных областных словарей.

При этом следует придерживаться некоторых правил, позволяющих проследить в исторической перспективе процесс превращения общеупотребительного слова в регионализм (по С. И. Коткову, вторичный диалектизм [Котков, 1974, с. 12–13]).

¹ При всей солидности у [Сл. РЯ XI–XVII] корпуса текстов как источников русского языка того или иного исторического периода отсутствие в словаре какого-либо слова, которое, напротив, представлено в региональных источниках XVII в., еще не означает его отсутствия в общем разговорном узусе русского языка XVII в. Так, в забайкальских памятниках XVII в. употребляется слово *пристрѣять*, которого нет в [Сл. РЯ XI–XVII]. Продуктивная словообразовательная модель глагола указывает на то, что слово, по всей вероятности, было тогда общеупотребительным.

Эти правила следующие.

1. Не включаются общеупотребительные слова, семантика которых (по контексту) не расходится с семантикой слов, представленных в [Сл. РЯ XI–XVII]. Например, слова *рѣка* (а из него <озера Еравна. — А. М.> вышла Ока *рѣка* и пошла в Витим *рѣку*); *лобъ* (упирают пальцами себя в лобъ), *ѣхати* (до князца Катунѣя *ѣхати ден[ь]*); *глубокъ* (а Уда *рѣка* велика и глубока) и др. в забайкальских памятниках употребляются в значениях, известных как в прошлом, так и в современном состоянии русского языка.

2. В то же время должны включаться общеупотребительные слова, у которых в региональных памятниках обнаруживаются факты своеобразной лексико-семантической и лексико-грамматической сочетаемости. В результате новой синтагматики у лексемы высвечиваются семантические сдвиги, обычно происходящие при употреблении слова в разговорной речи. Такие новые оттенки значений и отдельные новые значения в фундаментальных и в других региональных исторических словарях не отмечаются. Например, глагол *приискати/приискивати* в [Сл. РЯ XI–XVII] наделен значениями (1) ‘приобрести, получить, добыть’; (2) ‘найти, подыскать, обнаружить; найти (полезные ископаемые)’. Иллюстративный материал в словарных статьях *приискати* и *приискивати* свидетельствует о том, что это глагол двухвалентный (кто *приискал* что), у которого в качестве объекта выступает неодушевленное существительное в вин.п. без предлога: *дѣди* и *оцѣ* *ины* *земли* *приискаху*, *приискаль* *онъ* *пустое* *порожье* *мѣсто*; и *жемчюгъ* *ему* *велѣно* *вездѣ* *приискивати*.

В забайкальских памятниках данный глагол употребляется как трехвалентный, с двойным управлением вин. п. и вин. п. с предлогом *в* (кто *приискать* кого *во* что); кроме того, в отличие от общерусского употребления глагол управляет беспредложным винительным падежом одушевленного существительного: *онъ* *Григорей* <...> *приискал* *въ* *ясаchner* *платеж* *внов* *подросковъ* *из* *захребетников* *пят[ь]* *члвкъ* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 1, д. 2, стлб. 639, л. 25). Подвергаясь преобразованию из двухвалентного в трехвалентный, глагол *приискати/приискивати* приобретает новое значение ‘вовлечь кого-л. во что-л., склонить кого-л. к чему-л.’.

3. Из слов, ограниченных в общем употреблении историческим периодом XVII–XVIII вв., в словарь включаются те, у которых в региональных источниках отмечена более ранняя, чем в центральных документах, фиксация слова. Например, прилагательное *породный* в знач. ‘принадлежащий роду’ употребляется в забайкальском документе 1673 г. в отличие от его самой ранней фиксации в этом же значении — 1684 г., представленной в [Сл. РЯ XI–XVII].

4. У слов в [Сл. РЯ XI–XVII] следует критически оценивать их общеупотребительность с учетом ареала распространения, указанного в иллюстративном материале. Так, единственный пример употребления слова *подволока* в 5-м значении ‘мех, подбитый под лыжи’ представлен в Якутских актах, что свидетельствует о сибирском ареале функционирования слова в данном значении. Подтверждением его территориально ограниченного функционирования может служить употребление слова в забайкальских памятниках: *и* *взял* *он* *Иван* <...> *с* *вагулских* *тунгусов* *КГ* *соболи* *подволоку* *лыжную* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 2, д. 95, л. 8), а также варианта слова *подволоки* ‘шкурки, которыми оклеивают или обивают охотничьи лыжи’ в современных забайкальских русских говорах [Элиасов, 1980, с. 305].

5. Как уже отмечалось выше, для наблюдения за процессом формирования регионального лексикона методологически значимо сопоставление слов региональных источников XVII в. с данными Словаря русского языка XVIII в. Прилагательное *избылой* в русском языке донационального периода употреблялось в значении ‘уклонившийся

от чего-л.’ [Сл. РЯ XI–XVII]. В этом же значении оно известно забайкальскому региолекту того времени: *а тэ бѣратцѣе мужѣики по тому ж без Ясачного платежу не были в избылых* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 1, д. 3, стлб. 243). В [Сл. РЯ XVIII] *избылый* уже не фиксируется. В САР в словарной статье глагола БЫВАЮ представлены однокоренные слова *збылый* (*збылая вода*), *избывание*, *избытие* — способ избавиться от чего-л., но прилагательного *избылый* нет [САР 1789, ч. 1, с. 400–401].

б. В региональный исторический словарь должны войти фонематические (лексикализованные) и морфологические варианты общеупотребительных слов, варьирование которых отражают особенности системы региолекта на разных языковых уровнях. Приведу некоторые примеры.

а. Фонематический вариант. В забайкальском памятнике встречаем написание формы глагола *смѣть* с буквой «и» на месте буквы «ѣ»: *и брацѣе люди на соболинои промыслы ездит[ь] не смѣют* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 1, д. 23, стлб. 35). Вероятнее всего, это лексикализованный вариант слова *смѣть*, отражающий наследие материнского севернорусского говора в виде произношения звука [ê], совпадающего с гласным [i]. О лексикализации этого фонематического варианта стоит говорить в связи с тем, что иные случаи употребления исконного звука, обозначаемого буквой «ять», не содержат перехода в гласный [i] (см. в том же контексте написание глагола *ездит[ь]*, где пишется буква «е» вместо этимологической буквы «ѣ»). Некоторые фонематические варианты в региолекте получают статус самостоятельных лексических единиц, соотносясь со специфическими этнокультурными реалиями. В частности, слово *мечать*, будучи фонематическим вариантом слова *мечеть* ‘мусульманский храм’, в Забайкалье стало обозначать род юрты, предназначенной для отправления ламаистских обрядов: *и тѣ их болваны и писанные лица ставлены по их вѣре в мечатех войлочных* (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, стлб. 299, л. 258).

б. Морфологический вариант. В забайкальском памятнике XVII в. инфинитив глагола *навозитися* (*навозитись*) представлен в форме *навозитца*: *а будет мэл[ь] иЙоймет имѣ Мартыну и Оксену с служивыми людьми навоЙитца* (РГАДА. Ф. 1177, оп. 1, д. 3–79, л. 355). Очевидно местное разговорное влияние на изменение формы слова: нулевая редукция безударного гласного [i] в окончании инфинитива *-ти* с последующей полной ассимиляцией согласных [ts].

в. Лексико-морфологический вариант¹. Существительное *полуказачье*, по данным [Сл. РЯ XI–XVII], в русском языке донационального периода имело собирательное значение, а значит, у этого существительного не могло быть формы мн. ч. Забайкальский региолект демонстрирует, что собирательная форма осмысливается как форма единственного числа исчисляемого предмета, допуская уже образование от существительного *полуказачье* формы мн. ч.: *Того ж числа допрашиваны полуказачья Офонка Ломаевъ да Савка Федоровъ в допросе своем сказали* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 1, д. 3, стлб. 243, л. 125). В результате при основном значении ‘казачество, совмещающее военную службу с работой по найму на промыслах’ [Сл. РЯ XI–XVII], слово в региональном употреблении приобретает оттенок значения ‘представитель данной категории казаков’.

Главная задача регионального исторического словаря — помимо общерусской лексики, ограниченной в своем употреблении хронологическими рамками исследуемого периода, представить тот пласт лексики, который характеризуется как сугубо

¹ Термин «лексико-морфологический вариант» в отличие от наименования «словообразовательный вариант» обозначает семантическое переосмысление грамматического значения исходной формы слова, влекущее за собой формирование нового оттенка лексического значения.

региональный, т. е. уже в изучаемое время содержит слова, присущие только данному региональному идиому. Наиболее основательно приемы идентификации исторического регионального слова были разработаны томской ученой В. В. Палагиной. По ее методике в рукописях, созданных в районе существования вторичного говора, выявляется языковой (в основном лексический) материал, который затем соотносится с данными современных материнских говоров. Таким образом, реконструируются лексические единицы говоров XVI–XVII вв. [Палагина, 1973, с. 5]. Непростой путь формирования вторичного диалектизма демонстрирует, например, употребление в забайкальских памятниках наречия *наулет*, записанного в одном документе в виде формы *наулот*, написание которой представляет попытку передать переход *e > o* после мягкой согласной [л']: *a пашенного Ванку да промышленного Гришку сулемами били наулот* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 1, д. 23, стлб. 35, л. 62). В [Сл. РЯ XI–XVII] такого слова нет, однако его употребление в значении ‘бегом, со всех ног (бежать)’ отмечается в рязанских говорах конца XIX в., а выражение *лететь наулет* в знач. ‘бежать бегом, со всех ног’ уже известно пермским говорам XX в. [СРНГ].

Отдельного внимания заслуживают автохтонные заимствования, входящие в ядро словарного состава региолекта — вторичного говора на территории, которая ранее была освоена нерусскими народами. Все они включаются в региональный исторический словарь, в том числе те, которые представлены в [Сл. РЯ XI–XVII]. Последнюю категорию составляют преимущественно слова-экзотизмы, в частности, многочисленные наименования духовных титулов, воинских званий, должностных лиц в родо-племенных объединениях коренных народов Забайкалья — *зайсан*, *кутухта*, *табунань*, названия предметов культа — *бурхан*, названия утвари, одежды — *гутулы*, *дэгэл* и пр.

Особую сложность в лексикографической презентации представляют слова-гапаксы, у которых в словарной статье обычно знак вопроса после орфографической подачи слова сигнализирует об однократности его фиксации в письменных памятниках. Нередко данные слова подозреваются в том, что они не что иное, как слова-фантомы («слова-призраки») или псевдогапаксы в терминологии А. Б. Страхова — результат их ошибочного прочтения исследователем либо их ошибочного написания писцом. Этому явлению посвящено немало исследований (см., например, труды А. Б. Страхова, А. Ф. Журавлева, А. В. Григорьева и др.), и подробно останавливаться на нем не позволяют тема и объем статьи. В связи с проблематикой статьи выделю только один разряд слов, являющихся гапаксами, которые в «призрачности» заподозрить нельзя, но проблема их интерпретации как языковых (не речевых) единиц регионального характера остается. Например, в забайкальских памятниках, в одном и том же документе, дважды употребляется похожее на составное наименование словосочетание *конский соболь*: *соболеи витимских прибыльных К соболеи, конскои соболь, десятинного збору Д; ... всего великого гсдря ясаинои соболинои и десятиннои казны НГ-сорока З-соболеи с прибыльными витимскими и с конскимъ соболемъ* (РГАДА. Ф. 1121, оп. 1, д. 23, стлб. 35, л. 46–47). Остается вероятность толкования данного выражения как окказионализма или примера охотничьего узуса забайкальских промысловиков, вместе с тем нельзя исключать возможность его функционирования как регионализма в забайкальском региолекте XVII в.

В заключение необходимо подчеркнуть, что региональный исторический словарь следует воспринимать как неотъемлемую часть Словаря русского языка XI–XVII вв.: он своим содержанием не только изоморфно повторяет лексическую систему русского языка описываемого периода, но и дополняет ее. Применение историко-дифференциального принципа в региональном историческом словаре оправ-

дано тем, что он помогает реконструировать фрагменты языковой картины мира русских людей, населявших разные регионы обширной в 17-м столетии России.

Литература

1. Борисова Е. Н. и др. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (По памятникам письменности Смоленского края). Смоленск: Изд-во Смол. гос. пед. ун-та, 2000. 368 с. Текст: непосредственный.
2. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / составители Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова, Т. И. Чита, 2003. 350 с. Текст: непосредственный.
3. Исторический словарь памятников деловой письменности Восточного Забайкалья второй половины XVII–XVIII вв. / составители Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова, Ю. В. Биктимирова. Чита, 2020. 197 с. Текст: непосредственный.
4. Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. Москва: Наука, 1974. 359 с. Текст: непосредственный.
5. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. Москва: Азбуковник, 2011. 584 с. Текст: непосредственный.
6. Палагина В. В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): автореферат диссертации наискание ученой степени доктора филологических наук. Новосибирск, 1973. 29 с. Текст: непосредственный.
7. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 181 с. Текст: непосредственный.
8. Псковский областной словарь с историческими данными. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1967. 200 с. Текст: непосредственный.
9. Складаревская Г. Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные задачи русской академической лексикографии. Санкт-Петербург: Изд-во ИЛИ РАН, 1995. С. 15–23. Текст: непосредственный.
10. Словарь Академии Российской. Ч. I–IV. Москва, 1789–1794. Санкт-Петербург, 1794. Текст: непосредственный.
11. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века / под редакцией В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с. Текст: непосредственный.
12. Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века. Вып. 1–6 / составители Е. Н. Полякова. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993–2001. Текст: непосредственный.
13. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 331 с. Текст: непосредственный.
14. Словарь русского языка XI–XVII века. Вып. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1997. Текст: непосредственный.
15. Словарь русского языка XVIII века. Проект. Ленинград: Наука, 1977. 164 с. Текст: непосредственный.
16. Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2, испр. и доп. Москва: Рус. яз., 1981–1984. Текст: непосредственный.
17. Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII веков / М-во просвещения РСФСР. Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1971. 582 с. Текст: непосредственный.
18. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. Москва: Наука, 1980. 472 с. Текст: непосредственный.

Принятые сокращения

Забайк. словарь — Исторический словарь памятников деловой письменности Восточного Забайкалья второй половины XVII–XVIII вв.

л. — лист

МАС — Словарь русского языка в четырех томах

оп. — опись

Перм. словарь — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

САР — Словарь Академии Российской

Сл. РЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв.

Сл. РЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков

стлб. — столбец

Том. словарь — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века

ф. — фонд

Статья поступила в редакцию 19.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

HISTORICAL AND DIFFERENTIAL PRINCIPLE OF THE REGIONAL VOCABULARY OF THE 17th CENTURY

Aleksandr P. Mayorov

Dr. Sci. (Phil.), Prof. of Russian Language and General Linguistics Department,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

map1955@mail.ru

Abstract. The article develops criteria that should form the basis of historical and differential principle of compiling a regional dictionary of the 17th century. The principle of selection of all-Russian words, which are preserved in modern Russian with stylistic marks, adopted by lexicographers is considered methodologically unacceptable for a dictionary of this type.

The glossary should include, firstly, words that were in common use in the Russian language only in the 17th century, and in the subsequent centuries they had been unknown or were in the process of emerging, and, secondly, the actual regional vocabulary of that period. We give the characteristics of the classes of words included in the regional dictionary of common vocabulary: these are words that reveal a kind of lexical and grammatical compatibility; word variants reflecting the features of the regional dialect system at different language levels; words, which have a certain area of distribution according to the illustrative material of the Russian dictionary of the 11th–17th centuries, etc.

Keywords: historical and differential principle, regional historical dictionary, Russian vocabulary, transbaikalian regional dialect.

For citation

Mayorov A. P. Historical and Differential Principle of the Regional Vocabulary of the 17th Century. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2021; 3: 29–37 (In Russ.).

The article was submitted 19.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 29.10.2021.